

Встреча — эпизод 6 из 8

Странное чувство испытываешь, когда легким нажатием руки заставляешь такую массу подниматься и опускаться по своему желанию. Когда такая масса повинует тебе, чувствуешь могущество человека... Видишь, вот они, эти кубики. Он показал циркулем. Кладка из них доводится почти до поверхности воды, а на ней начинается уже верхняя каменная кладка из тесаного камня. Так вот какое это дело; оно не уступит любой египетской пирамиде. Вот тебе в общих чертах работа, которая тянется уже несколько лет, а сколько времени еще протянется бог знает. Желательно бы, чтобы подольше... Впрочем, если она будет идти так, как последнее время, то, пожалуй, на наш век хватит.

Ну, что ж дальше? спросил Василий Петрович после долгого молчания.

Дальше? Ну, а мы сидим на своих местах и получаем, сколько следует.

Я еще не вижу из твоего рассказа возможности получать.

Молод ты, вот что! Впрочем, мы с тобой, кажется, ровесники; только опыт, которого тебе не хватает, умудрил и состарил меня. Дело вот в чем: тебе известно, что во всяком море бывают бури? Они-то и действуют. Они размывают каждый год постель, а мы кладем новую.

Все ж я не вижу возможности...

Кладем мы ее, спокойно продолжал Кудряшов, на бумаге, вот здесь, на чертеже, потому что только на чертеже буря ее и размывает.

Василий Петрович весь превратился в недоумение.

Потому что не могут же на самом деле размыть постель волны, достигающие только восьми футов высоты. Наше море не океан, да и там такие молы, как наш, выдерживают; а у нас на двух с лишним саженьях глубины, где кончается постель, почти что мертвая тишина. Слушай, Василий Петрович, как дела делаются. Весною, после осенних и зимних непогод, мы собираемся и ставим вопрос: сколько в этом году размыло постели? Берем чертежи и отмечаем. Ну, и пишем, куда следует: размыло, дескать, бурями столько-то и столько-то кубических сажен начатых работ. Оттуда отвечают: стройте, чините, черт с вами! Ну, мы и чиним.

Да что ж вы чините-то?

Да карманы себе чиним, сострил Кудряшов и сам рассмеялся своей остроте.

Нет, это невозможно! невозможно! закричал Василий Петрович, вскакивая со стула и бегая по комнате. Слушай, Кудряшов, ведь ты губишь себя... Не говоря о безнравственности... Я просто хочу сказать, что вас всех поймают на этом, и ты погибнешь, по Владимирке пойдешь. Боже, боже, вот они надежды, упования! Способный и честный юноша и вдруг...

Василий Петрович вошел в экстаз и говорил долго и горячо. Но Кудряшов совершенно спокойно курил сигару и посматривал на расхोлившегося друга. Да, ты, наверно, пойдешь по Владимирке! закончил Василий Петрович свою филиппику.

До Владимирки, друг мой, очень далеко. Чудной ты человек, я посмотрю: ничего-то ты не понимаешь. Разве я один... как бы это повежливее сказать... приобретаю? Все вокруг, самый воздух и тот, кажется, тащит. Недавно явился к нам один новенький и стал было по части честности корреспонденции писать. Что ж? Прикрыли... И всегда прикроем. Все за одного, один за всех. Ты думаешь, что человек сам себе враг? Кто ж решится меня тронуть, когда через это сам может пошатнуться?

Стало быть, как сказал Крылов, рыльце-то у всех в пушку?

В пушку, в пушку. Все берут с жизни, что могут, а не относятся к ней платонически... О чем бишь мы начали говорить? Да о том, кого я обижаю. Скажи, кого? Низшую братию, что ли? Ну, чем? Ведь я черпаю не прямо из источника, а беру готовое, что уж взято, и если не достанется мне, то, может быть, кому-нибудь и похуже. По крайней мере я не по-свински живу, есть кое-какие и духовные интересы: выписываю кучу газет, журналов. Кричат о науке, о цивилизации, а к чему бы эта цивилизация прилагалась, если бы не мы, люди со средствами? И кто бы давал науке возможность двигаться вперед, как не люди со средствами? А их нужно откуда-нибудь взять. Так называемыми честными путями...

Ах, не доканчивай, не говори ты хоть последнего слова, Николай Константиныч!

Слова? Что ж, лучше было бы, кривая твоя душа, если бы я стал врать, оправдываться? Воруем, слышишь ли ты? Да если правду-то говорить, то и ты теперь воруешь.

Послушай, Кудряшов...

Нечего мне тебя слушать, сказал со смехом Кудряшов. Ты таки, брат, грабитель под личиною добродетели. Ну, что это за занятие твое учительство? Разве ты уплатишь своим трудом даже те гроши, что тебе теперь платят?